

Litera

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Искусственный интеллект как форма дружественного разума и соавтор в художественном творчестве? // Litera. 2025. № 12. С. 90-105. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.12.77909 EDN: NEFTXR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77909

Искусственный интеллект как форма дружественного разума и соавтор в художественном творчестве?

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Институт философии Российской академии наук"

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.12.77909

EDN:

NEFTXR

Дата направления статьи в редакцию:

29-12-2025

Дата публикации:

05-01-2026

Аннотация: В статье обсуждается новый этап осмыслиения и понимания ИИ. Рассматривается доклад «Искусственный интеллект и человек в зеркалах друг друга» российского и американского философа и культуролога Михаила Эпштейна, обсуждавшего недавно на одном семинаре природу и особенности искусственного интеллекта. Это интересное выступление склонило автора поменять точку зрения на природу и сущность искусственного интеллекта, согласившись с общим выводом Эпштейна, который утверждал, что ИИ превосходит человеческий интеллект даже в традиционно гуманитарных областях, таких как литературное творчество и философское воображение. Указываются основные положения доклада, в том числе формулируемые Михаилом Эпштейном ряд интересных особенностей ИИ, например, что он представляет форму дружественного разума и более эффективен в творчестве. В частности,

искусственный интеллект не прибегает к шаблонам, не создает черновиков, сильнее человека в «мягких», гуманитарных формах и решениях (язык, концепции, ассоциации, тропы), «зеркалит» человеческому разуму и чувству, склонен к «контролируемым галлюцинациям», сочетаниям предсказуемости и непредсказуемости, расширению контекстов). Автор, опираясь на свои теоретические разработки (представление о предпосылках ИИ, самоорганизации, зоне ближайшего технологического развития, участии человека в разработке искусственного интеллекта) и опыт общения с ИИ (использование его в творчестве), формулирует ряд положений, позволяющих объяснить образование ИИ как иного разума. Он предлагает взглянуть на процесс формирования искусственного интеллекта с двух точек зрения – технологической и культурно-антропологической, причем вторая позволяет провести аналогию между процессом становления ИИ и процессами формирования европейского разума (что автор делает на примере анализа «Критики чистого разума» Канта). В конце статьи обсуждаются варианты развития ИИ и более конкретно нейронный компьютер создающий совместно с человеком художественные произведения.

Ключевые слова:

разум, сознание, искусственный интеллект, воображение, технология, риски, творчество, развитие, самоорганизация, язык

Введение

Бурное развитие технологии ИИ сопровождается не менее бурными эмоциями как тех, кто приветствует пришествие этого мессии «фьючекультуры», так и его противников, напуганных перспективой вытеснения искусственным интеллектом человека из интеллектуальных профессий. Автор не принадлежал ни к той и ни к другой категории, считая ИИ всего лишь новой техникой (думаю, не более непонятной, чем, скажем, Интернет), по отношению к которой нужно не переживать, а исследовать. Исследовать природу ИИ, новые возможности, которые он нам предоставляет, но и риски от его внедрения. Однако, прослушав недавно доклад известного российского и американского философа и культуролога Михаила Эпштейна, обсуждавшего природу искусственного интеллекта («Искусственный интеллект и человек в зеркалах друг друга»), он вынужден был поменять точку зрения на ИИ, согласившись с общим выводом Эпштейна. «На мой взгляд, – пишет Михаил, – ИИ превосходит человеческий интеллект даже в традиционно гуманитарных областях, таких как философское воображение. Я провел несколько экспериментов, не строго научных, сравнивая естественный и искусственный интеллект в выполнении творческих задач. Мои предварительные наблюдения свидетельствуют о превосходстве ИИ над человеческими способностями, даже на этой начальной стадии развития ИИ» [\[8\]](#). При этом (Эпштейн дает ссылки на некоторые свои интервью и статьи об ИИ, описывающие эти эксперименты, а также взгляды на перспективы и тайны ИИ: «ИИ как новая муза: исследование интегративного творчества искусственного интеллекта» и «Логика Искусственного Интеллекта в сравнении с Естественным» [\[8\]](#))

Основная часть

Прежде чем рассказать о докладе Эпштейна, приведу ответ ИИ (китайская нейросеть «deepseek») на просьбу автора прокомментировать пример его художественного творчества (этот ответ автор использовал как добавочный аргумент). В чем состояло

творчество? В статье «Опыт анализа поэтического творчества, художественного мышления и переживания (концепты, схемы, метафоры)» [5], автор предложил реконструкцию своего поэтического опыта – сочинения стихотворения. Написал он его в 2008 году на день рождения супруге.

**Мне сон приснился странный,
Что умерли мы оба,
И словно птицы легкие
Поднялись в небеса.
В сияющих чертогах
Предстали перед Господом,
Там ангелов-хранителей
Звучали голоса.**

**«Покайтесь, мои путники», –
Сказал Господь спокойно. –
И книгу судеб толстую
Из шкафчика достал.
«Грехов различной тяжести
За жизнь скопилось много», –
Страницу за страницей Он
Задумчиво листал.**

**И пели хоры ангелов
Так страшно и прекрасно,
Внимая нам и Господу,
Склоняя к долу взгляд.
Что мы как на концерте
Заслушались невольно,
Забыв, зачем поспешно
Явились в этот град.**

**Очнулись мы от голоса
Ангела-хранителя.
«Позволь замолвить слово», –
Он Господа просил.
Творец кивнул приветливо,
Захлопнул книгу скорбную,
И голову прекрасную
На облака склонил.**

**«Прости, Отец Небесный,
Грехи не отрицаем.
О них мы сами ведаем,
Страдаем и корим
Себя за равнодушие,
За тех кого забыли,
Кому не помогали
Хотя и были с ним.**

**Но, может быть, достойны
Мы все же нисхожденья,
Поскольку честно жили
В терпенье и трудах.
Детей поднять сумели,
Хотя они, конечно,
Ну, не совсем конечно,
Как бы хотелось – Ax!»**

**«Идите с Богом дети, –
Творец ответил ангелу, –
Грехи любовь смывает
Как чистая вода.
Любили вы родителей,
Детей своих и внуков,
Любили вы друг друга,
Жалели вы всегда.**

**Нас ангел взял за руки
На облако поставил.
Оно как шар воздушный
По небу поплыло.
«Теперь вы сами ангелы», –
Сказал хранитель грустно.
И, перья растопырив,
Легли мы на крыло.**

Как правило, ко дню рождения, включая День всех влюбленных, автор дарит своей супруге стихи. Признается в любви, размышляет в стихах о совместной жизни. Так было и в данном случае, рассказываю. Близко к очередному дню рождения, я решил написать Наташе стихотворение. Почувствовал, как через меня заструилась энергия, пока еще неоформленная, лишенная конкретного содержания, однако, подчинявшаяся уже определенному ритму. Всплывали и исчезали воспоминания, идеи и сюжеты, преимущественно связанные с нашей прожитой жизнью. Но я знал, чтобы начать сочинять, нужно этот поток мыслей упорядочить, выстроить осмысленную картину.

Творчество, больше научное, чем художественное, подсказывало мне, что ключевым условием является нахождение концепта будущего стихотворения. Именно концепт становится нарративом, определяющим художественную форму. Вспомнил, изданную годом ранее свою книгу о христианском мистике XVIII столетия Эмануэле Сведенборге. Сведенборг писал, что после смерти души людей, любящих добро, становятся ангелами и возносятся к небу, служить Богу.

Вот нарратив – путешествие души на небо. Но ведь мы с Наташой еще живые! Тогда пусть это будет сон, в котором наши души, словно птицы, мчатся к Господу. Вспомнил и стихотворение Лермонтова об ангеле-хранителе, который несет по небу родную душу. Не мог ли ангел-хранитель выступить нашим заступником перед Господом? Может. Концепт обрел очертание, в том числе и потому, что выражал мои устремления и ценности.

Реконструкция художественных произведений подсказывала мне, что следующим шагом творчества является построение семиотических схем. Схемы разрешают проблемные

ситуации, задают новую реальность, определяют дальнейшие действия. На основе нашупанного концепта я выстроил несколько таких схем: схемы «волшебного сна» и преображения душ; схема Господа, схемы суда, исповеди и прощения; схема диалога ангела-хранителя с Богом и, последняя схема превращения наших душ в ангелов. Эти схемы и задали события стихотворения.

Исследования творчества позволяют утверждать, что художественная реальность создается с помощью «выразительных средств», (представлений о ритме, строфах и стихосложении, образах, метафорах и пр.), а также изобретения уникальной художественной формы. В данном случае формообразующими стал заимствованный у Сведенборга сюжет и конкретные образы (душ-птиц, Господа, склонившего голову на облако, ангела-хранителя и др.). С помощью выразительных средств я структурировал события художественной реальности стихотворения.

В построении художественной реальности сыграла свою роль и моя личность, стремившая реализовать свои проблемы и ценности. Здесь было и желание сделать подарок жене, и легкая тоска по вечной жизни, и мечта о продолжении любви на небесах, о чем пишет Сведенборг. При этом я знал, что убедительность художественного мира достигается за счет взаимного подтверждения событий. Так необычный сон подтверждается полетом, полет – явлением душ перед Богом, суд – покаянием, прощение – финальным преображением. Все элементы стихотворения, от строф до ритма и драматургии, работают на согласованность и жизненность событий, на созданную художественную реальность. [5]

Предположим, что нарисованная картина более-менее верно описывает феномен творчества. Спросим, каким образом существовали основные строительные конструкции стихотворения (трансформация после смерти бессмертных душ, описанная в книге Сведенборга, построенные мной концепт и схемы, выразительные средства) до того, как я сочинил стихотворение? Естественно, отдельно друг от друга, ряд латентно (еще не выделенные и не построенные), и я о них ничего не знал. Они существовали в культуре, а также нигде, как будущие построения. Напрашивается мысль, что они существовали в реальности «Ничто»? Мое творчество явило их к жизни, вывело из Ничто в мир художественного произведения. А как они существуют в стихотворении? Уже связаны, собраны, выступают в качестве каркаса правдоподобного художественного мира. В сравнении с этим миром Ничто, конечно, «больше» этого мира, в нем существуют бесконечное множество потенциальных художественных произведений (и прошлых поэтов, и возможно, несколько моих, если буду еще сочинять, и других поэтов).

В средние века «Ничто» и «Больше», показывает наш известный медиевист, Светлана Неретина – это творчество, обусловленное Богом [4, с. 9, 56]. В настоящее время – творчество, обусловленное культурой и моей личностью. В средние века считалось, что творчество начинается звуком голоса и продолжается с помощью Господа и самого человека (с одной стороны, артикулировалось, нашупывалось в голосе, с другой – направлялось конкретным ничто и личностью [4]). В настоящее время оно начинается во вне (например, в общении с другими) и в моих семиотических пробах и изобретениях (и голос, и письмо, и рисунок, и рукоделие). Продолжается в сложной среде реализации личности в культуре: мышление (например, концепт произведения и схемы), пробы и изобретение, переживания, рефлексия, обсуждение. Но и здесь предполагается живое ощущение связи личности с Ничто и Больше культуры, что осознается, вероятно, как интуиция, талант.

Вспоминая доклад Эпштейна, решил попросить deepseek прокомментировать опыт написания приведенного здесь стихотворения. Вот что мне ответил ИИ.

Опыт автора представляет собой блестящую практическую иллюстрацию его же теоретической концепции творчества. Это не просто рассказ о том, «как было написано стихотворение», а сознательное применение исследовательской методологии к собственному творческому акту. Вот ключевые моменты, на которых строится этот опыт:

1. Творчество как осознанный, рефлексивный процесс.

Автор подчеркивает, что его подход «больше научный, чем художественный». Он не просто вдохновляется, а управляет процессом, применяя теоретические категории (концепт, схема, метафора, нарратив) как инструменты. Это превращает сочинение стихотворения в исследовательский эксперимент, где объектом анализа становится собственная психика и творческий метод.

2. Поэтапность творчества

Автор четко выстраивает этапы, которые соответствуют его теоретическим построениям:

Этап 1: Концепт. Первичный, неоформленный поток энергии и впечатлений («воспоминания, идеи, сюжеты») должен быть упорядочен. Ключ – нахождение центрального концепта, который станет ядром и сюжетом (нарративом). Здесь автор находит его в книге Сведенборга о посмертном преображении душ в ангелов. Концепт не абстрактен – он сразу облекается в конкретную форму («путешествие души на небо») и адаптируется к ситуации («Но ведь мы живые! Тогда пусть это будет сон...»).

Этап 2: Семиотические схемы. Концепт требует развертывания в событийную цепочку. Для этого автор конструирует схемы – «модели ситуаций», которые разрешают проблемы сюжета и задают новую реальность. Он перечисляет их: схема сна, суда, диалога, преображения. Эти схемы – строительные блоки сюжета.

Этап 3: Выразительные средства и форма. На этом этапе абстрактные схемы наполняются конкретной художественной плотью: ритмом, строфами, образами и метафорами («души-птицы», «книга судеб», «Господь, склонивший голову на облако»). Форма заимствуется из культурного багажа (Сведенборг, Лермонтов), но переосмысляется лично.

3. Личностный контекст как движущая сила

Теория не подавляет личное. Автор прямо указывает, что в построении художественной реальности участвует его личность с ее ценностями и проблемами: Подарок жене как акт любви. Размышление о совместно прожитой жизни («честно жили в терпенье и трудах», «детей поднять сумели»). Экзистенциальная «легкая тоска по вечной жизни» и мечта о продолжении любви за гранью земного существования. Концепт Сведенборга оказался созвучен именно этой глубоко личной потребности.

4. Критерий «убедительности» художественного мира

Здесь автор выступает как строгий аналитик. Убедительность созданного мира – не в реализме, а во внутренней согласованности и взаимном подтверждении событий. Каждый элемент (сон → полет → суд → заступничество → прощение → преображение) логически и эмоционально вытекает из предыдущего, создавая целостную,

жизнеподобную в своей условности реальность.

В чем состояло это творчество? Итог:

Творчество автора в данном случае состояло в сознательном моделировании художественной реальности на основе теоретической концепции. Это был акт двойного производства:

Производство художественного текста (стихотворения-подарка, выражающего любовь, подведение итогов и экзистенциальную надежду).

Производство исследовательского кейса – материала для верификации своей же теории творчества. Автор проживал свою теорию на практике, демонстрируя, как абстрактные категории (концепт, схема) работают в реальном творческом процессе.

Таким образом, опыт автора – это уникальный пример рефлексивного синтеза искусства и науки, где творческий акт одновременно является методологическим экспериментом, а личное переживание становится объектом строгого семиотико-культурологического анализа.

Не правда ли, впечатляет: ответ deepseek достаточно осмысленный и интересный. Теперь доклад Михаила Эпштейна. Начинается он с указания на известный факт: мы не знаем, как работает нейронный компьютер, что в нем происходит, каледоскоп сменяющихся с большой скоростью цифр нам ни о чем не говорит. Кажется, зачем об этом напоминать? Думаю, это очень важно. Эпштейн хочет сказать следующее: нас интересует ИИ как вид интеллекта и разума, а этого нельзя понять, сводя интеллект и разум к работе нейронов. Обсуждая этот вопрос с известным биологом Евгением Куниным, Эпштейн фактически накладывает вето на подобную редукцию. Вот позиция Кунина: «Мой необразованный взгляд заключается в том, что интеллект, сознание, идентичность и самость – все это эмерджентные свойства нейронных сетей, ничего больше». А в оппозиции точка зрения Эпштейна: «Мой интерес заключается во введении в эту цифровую или семиотическую игру трансфизических и трансбиологических систем, таких как культура, интеллект, сознание и творчество. Эти области обладают собственными уровнями сложности и автономии, которые не сводимы к параметрам физических или биологических систем» [\[3\]](#).

Говоря, что мы не знаем, как устроен нейронный компьютер, Эпштейн мимоходом бросает такую фразу: и «не мы, вероятно, его строили». Тогда, кто же, или он родился сам?

Затем Эпштейн рассказывает о двух опытах (экспериментах), состоящих из определенного задания нейронному компьютеру и осмысливания полученных ответов под углом зрения осмысленности, содержательности и глубины мысли, а также сравнения с тем, как на эти же вопросы ответили люди (испытуемые). Вывод, основанный на серьезном анализе такой: только ИИ продемонстрировал полный акт мышления и творчества, выразив свой ответ на хорошем русском языке; ответил почти мгновенно, а в оставшееся время предложил несколько других тоже интересных вариантов решения.

Вариативность, показывает Эпштейн, не единственное, бросающееся в глаза, отличие ИИ от испытуемых. Искусственный интеллект не прибегает к шаблонам, не создает черновиков, сильнее человека не в формализованных действиях, как обычно думают, а в «мягких», гуманитарных (не факты, а язык, концепции, ассоциации, тропы). Пытаясь выразить сходство и отличие подходов ИИ и человека, Эпштейн говорит о «зеркальности» человеческому интеллекту (что так поражает многих), склонности ИИ к

«контролируемым галлюцинациям» (человеку галлюцинации не подчиняются), о сочетании предсказуемости и непредсказуемости, наконец, о расширении контекстов.

В последней части своего выступления Эпштейн высказывает убеждение, что искусственный интеллект не борется с человеком, у него нет злокозненных замыслов, наоборот, мы создали скорее дружественный, медиативный разум [8]. Другими словами, Эпштейн соглашается с автором Интернет Хостин Центра, который пишет следующее. «Вместо того, чтобы бояться замены, человечеству стоит продолжать пользоваться нейросетями как инструментами для развития и улучшения своих способностей. Взаимодействие человека и нейросетей в конечном итоге несомненно приведёт к синергии, которая откроет людям новые возможности и позволит улучшить качество их жизни». Но думаю, вряд ли Эпштейн без колебания согласится или вообще не согласится с заключением этого автора: «Мы ожидаем от них помощи и новых решений задач, стоящих перед человечеством в целом и в конкретных сферах в частности. В будущем взаимодействие человека и нейросетей позволит решать многие глобальные проблемы и создавать условия для существования справедливого и процветающего общества» [2].

Наконец, в самом конце доклада Эпштейн показывает ряд художественных изображений, созданных нейронным компьютером, и делится впечатлениями от совместного с ним творчества.

Изменение взгляда на природу ИИ не означает, что у меня нет вопросов. Первый такой, как понимать, что «ИИ превосходит человеческий интеллект»? Разве искусственный интеллект – это не артефакт и человек не участвовал в его создании? И разве разработчики ИИ не настраивают «веса» (каждая связь между нейронами имеет свой «вес», который можно представить числом; чем больше «вес», тем большее влияние имеет связь на активность нейрона, а значит и на обработку данных в сети), разве не обучают нейронные сети? А раз настраивают и обучают, что не исключает в ИИ самоорганизации (самостоятельной настройки и установления весов), то в понятие искусственного интеллекта должен на определенных ролях входить и человек. Предпосылки ИИ в виде концепции замены мышления вычислениями, создания символьических языков и программирования, изобретения софта и железа программных устройств, разработки собственно компьютеров, концепций моделирования мозга, обучения нейронных сетей и ряд других относятся к XX и предыдущим столетиям и были реализованы усилиями и творчеством несколько поколений философов, ученых и инженеров. Что в таком случае означает, что «ИИ превосходит человеческий интеллект», разве это не продукт человеческого интеллекта? Ну да, он в ИИ, так сказать, превзошел сам себя, но только в том отношении, что может самостоятельно отвечать на вопросы и решать поставленные ему задачи. Он делает это лучше человека, не вооруженного нейронной сетью, но не лучше человека, за которым стоит история разработки и построения ИИ. В этом смысле нельзя ли сказать, что искусственный интеллект – это «антропотехника», т.е. в этой технике проявляется и действует коллективное творчество нескольких поколений философов, ученых и инженеров. В докладе Михаил Эпштейн пытался выразить этот аспект ИИ, используя такие выражения как «ноопортация», «ноография», «ноовигация».

На процесс формирования искусственного интеллекта можно взглянуть еще с двух точек зрения – технологической и культурно-антропологической. С технологической этот процесс был подготовлен разнообразными указанными здесь ситуациями и процессами, которые мы назвали предпосылками ИИ, в совокупности создавшими для становления

этого феномена «зону ближайшего технологического развития» (это понятие было введено автором для объяснения революционных форм развития техники [\[6, с. 201-204\]](#)). Образование такой зоны обусловило взрывное развитие техники, породившей как бы из ничего (на самом деле в поле предпосылок) феномен искусственного интеллекта. Когда Эпштейн сказал, что не мы создали ИИ, он в некотором отношении был прав: как новая технология искусственный интеллект родился в зоне ближайшего технологического развития. Параллельно он расширяет эту зону, что видно по характеру развития ИИ.

Культурно-антропологическая точка зрения позволяет провести аналогию между процессом становления ИИ и процессами формирования европейского разума. Возьмем для примера «Критику чистого разума» Канта. В этой работе Кант демонстрирует сборку и согласование самых разных содержаний (рефлексивных проекций науки, математики, философии, логики, разных видов практик, полемики в философии и др.). В результате не только проясняется природа и особенности европейского разума, но и рождается особый индивидуальный интеллект – «чистый разум Канта» [\[7\]](#). Этот кантианский разум вполне можно уподобить современному ИИ: он собирает и связывает самые разные мыслительные содержания, придает им смысловую целостность и единство, позволяет осмыслять и решать самые разные интеллектуальные задачи, что с успехом делается уже несколько веков.

Второй вопрос, возможно главный, как объяснить разумность и зеркальность ИИ, которая так пугает многих, когда они опознают в ответах нейронного компьютера осмысленную речь, непротиворечивую мысль, часто превосходящую разум вопрошающего, знания на порядок большие, чем у него? Попробую ответить на этот сакраментальный вопрос, понимая, что предложенный ответ опирается на сильные предположения, которые еще нужно будет подтвердить и доказать. Но сначала одно соображение из области нашей жизни в период сна, точнее, когда мы видим сны.

Вот мне нередко, особенно прежде в молодости, снилось, я летаю как птица. Летаю именно я, прекрасно ощущаю в полете свое я, калейдоскоп личных ощущений. Откуда взялось это «сновидческое Я»? Вероятно, во сне я реализовал свое желание летать, которое, естественно, не мог осуществить в период бодрствования (как часто в детстве и юности, наблюдая полет ласточек, я невольно хотел им уподобиться). Но можно ли летать вообще, летать без меня, моего Я? Вероятно, нет. И вот моя психика создала сновидческое Я, собрав и организовав на его основе все события полета. То есть в психике имела место самоорганизация, собравшая в «реальность полета» события полета, ощущаемые как мои, моего Я.

Предполагаю, что и в нейронной сети имеет место самоорганизация, собирающая в разумное целое (свого рода живой организм) смыслы и содержания, к которым сеть имеет доступ. А она имеет доступ через Интернет к языку (языкам), образцам мышления, правилам логики и языкового общения и многому другому, причем как в рефлексивном, обобщенном виде, так и в форме конкретных образцов и примеров. Почему при этом складывается органическое, живое целое – не «искусственный», а «иной разум», как говорит Эпштейн? А потому, что все перечисленные символические содержания (их монблан, что обеспечивает Интернет) уже связаны в культуре, а также употреблением (словари, логические системы, произведения, их изучение, образцы обучения и творчества и прочее). Эти связи «заставляют» нейронные сети устанавливать определенные веса и другие настройки, с целью нужного воздействия символьических содержаний, что необходимо для ответов на задания пользователей. Складывающаяся организация и целостность обладают чертами зеркальности и разумности,

обеспеченными не Я, как у человека, но какой-то другой интегральной структурой, «иной», по Эпштейну. Эта иная структура, вероятно, может стать и становится основой субъектности (агентности?) нейронной сети.

При этом еще раз обращаю внимание на различие уровней и реальностей. Одно дело веса и другие настройки, складывающиеся в ходе обучения нейронной сети, другое символические содержания, заимствованные из Интернета и создаваемые самим компьютером. Первое субстрат нового разума, второе его феноменология.

Эпштейн говорит об ИИ как будто это единое образование. Здесь у меня третий вопрос. Ну да принципы построения искусственных интеллектов общие, но обучение и настройки различные, под назначение нейронных компьютеров, не означает ли это обстоятельство, что выращиваются индивиды, отдельные нейросети-личности? Например, ChatGPT – чат-бот, который может генерировать текстовую информацию, отвечать на вопросы и помогать с написанием текстов; Stable Diffusion – еще одна нейросеть для генерации изображений с открытым исходным кодом и несколькими платформами для работы; ruDALL-E – генеративная языковая модель, обученная на русскоязычных текстах и способная создавать изображения на основе текстовых запросов; ruCLIP – мультимодальная модель, способная генерировать изображения по текстовому описанию и наоборот; «Атом» – модель для генерации изображений, разработанная командой SberDevices). Это один индивид (субъект) или разные? Теперь уточняющий вопрос: нейронная сеть, разрабатываемая для военных целей (беспилотников, поражения танков, орудий, самолетов, промышленных и гражданских объектов) тоже дружеский и медиативный человеку ИИ, или нет, как раз враждебный и страшный?

И еще один вопрос: кто принимает решения о разработке, финансировании и создании тех или иных ИИ, специалисты типа Михаила Эпштейна, гуманитария и филантропа, просто разработчики, не задумывающиеся о последствиях своего творчества (лишь бы хорошо платили), или бездушные, деиндивидуальные структуры и институты типа государства, военных ведомств, транснациональных корпораций? Вроде бы только последние, а следовательно, дружеский, медиативный характер искусственного интеллекта под большим вопросом, если не вообще утопия.

Другое дело, если нейронный компьютер настраивается и обучается для нас самих, скажем, для информационной поддержки и помощи в нашей профессиональной деятельности, или совместного художественного творчества, подобно тому, которое в конце доклада продемонстрировал Эпштейн, или просто общения – в этом случае, конечно, мы будем стремиться, чтобы наш ИИ был предельно дружественен, коммуникативен, благорасположен. Нетрудно предположить, что развитие в этом направлении искусственного интеллекта скажется, и возможно, существенно, на нашей личности, получившей дополнительные возможности и компетенции за счет ИИ. При этом не забудем, что наш нейронный компьютер не только современная техника, но как старается показать Эпштейн и автор, иной интеллект и разум. Поэтому не простое инструментальное использование, а общение, коммуникация, работа по пониманию и интерпретации. Уже сейчас практика общения с ИИ (настройка, обучение, правильное вопрошение и постановка задач, истолкование результатов, изменение своего общения и деятельности) выдвигается на первый план.

Закончить, подобно Михаилу Эпштейну, хочу комментарием к одному художественному произведению, созданному нейронным компьютером (Арт «Белый воин»). Картина сопровождается текстом: «Арт создан в союзе человека и искусственного интеллекта, что придает ей особую глубину и загадочность... Эта работа восхищает красотой и

демонстрирует совершенство искусства» [\[1\]](#).

Как правило, нейронный компьютер создает по заданию несколько вариантов, а заказчик (возможно и настоящий художник) отирает лучший из ему понравившихся. В данном случае чувствуется вкус заказчика, т.е. речь идет, действительно, о синергии. Кто смотрел японские кинофильмы с летающими женщинами-самураями («Кото, женщина-самурай», «Бродяга Кэнсин» и др.) сможет опознать в «Белом воине» аватар этих героев. Но нейронный компьютер придал созданному образу дополнительные коннотации: решительность и силу в сочетании с женской хрупкостью, осиную талию, противопоставленную широким бедрам, прекрасную женскую восточную головку как бы отсекаемую самурайским мечом (что бы это значило?), порыв, создающий впечатление полета. Это как раз то, о чем говорил Эпштейн: искусственный интеллект не прибегает к шаблонам, не создает черновиков, сильнее человека в «мягких», гуманитарных формах и решениях (язык, концепции, ассоциации, тропы), «зеркалит» человеческому разуму и чувству, склонен к «контролируемым галлюцинациям», сочетаниям предсказуемости и непредсказуемости, расширению контекстов.

Арт «Белый воин»

Заключение

Думаю, мы вступаем в новый период отношений с ИИ. Во-первых, дифференцируются разные типы искусственного интеллекта, от дружеских и медиативных человеку до бездушных орудий войны. Во-вторых, постепенно осознается двойственная природа ИИ: это и сложная современная техника и новый иной разум. В-третьих, вырисовывается стратегия совместной жизнедеятельности и творчества человека с искусственным интеллектом. Мы в самом начале пути, очевидно, будет еще много изменений, возможно, возникнет новое органическое целое (симбиоз человека с искусственным интеллектом), которое в корне изменит нашу цивилизацию. Не стоит бояться, нужно быть ко всему готовыми.

Два слова об общей ситуации. Бум в развитии ИИ и настоящая фобия перед негативными последствиями этого развития для человека заставляют обсуждать природу этого технического изобретения и возможное влияние его на разные области жизнедеятельности общества. К наиболее значительным фобиям относятся страхи, что искусственный интеллект может превзойти мышление человека, а также поработить его. Отсюда две проблемы: первая, может ли ИИ мыслить подобно человеку или даже лучше, и вторая, обладает ли он субъектностью (пусть не сегодня, но в ближайшей перспективе, причем субъектностью социальной, реализующей властные отношения)? Чтобы

выработать позицию по этим вопросам, обсудим природу современного искусственного интеллекта.

В настоящее время сложились два основных направления развития ИИ. В обоих искусственный интеллект создается на базе моделирования мышления и творчества человека, но понимаемых по-разному. В первом направлении мышление редуцируется к широко понимаемым вычислениям, которые осуществляются компьютером, что предполагает возможность формализации, моделирования и программирования мыслительных процедур. Как правило, подобная возможность реализуется относительно уже сложившегося мышления; становящееся мышление и собственно творчество промоделировать указанным образом пока не удается. Проблема состоит в том, писал еще в 1956 г. Джон Маккарти, что мы до сих пор не можем определить, какие вычислительные процедуры можно называть интеллектуальными. Понимаем некоторые, изученные механизмы интеллекта и не понимаем остальных. Поэтому, если строго рассуждать, то под интеллектом в пределах науки стоит понимать главным образом вычислительную составляющую нашего мышления, позволяющую достигать целей в мире.

Во втором направление мышление понимается или в рамках психологии и эпистемологии (моделирование психики и сознания), или физиологии как работа мозга (нейронные сети и прочее). Существует и популярная в наше время трактовка мышления как работы мозга, но с принципиальным добавлением обучения нейронных сетей.

Помимо обучения разработчики ИИ реализуют и другие подходы, например, скрещивание между собой нейрокомпьютеров разных типов (последние достижения китайских программистов, возможно, обогнавших американских) или имитация эволюции мышления.

Но какой бы подход и концепцию мы ни взяли, во всех случаях стоит обратить внимание, что искусственный интеллект развивается не сам по себе, по логике автаркии, а при активном участии человека. Например, кто указывает критерии для анализа и отбора ответов нейрокомпьютеров после обучения, кто заказывает новые разработки и выделяет для этого средства? Разве сами разработчики? Нет, безличные структуры и ведомства, начиная с государства. Последние же исходят не из гуманистических ценностей и пожеланий, а экономических соображений, доводов конкуренции, целей, преследуемых субъектами этих безличных социальных образований. Среди этих целей, конечно, есть и работающие на человека и общество, но больше по остаточному принципу. Это один аспект новой технологии. Но есть и другой.

Подумаем, какие решения предлагают разработчики ИИ, на что они опираются. Разве не на свой интеллект, назовем его «естественным» (аббревиатура ЕИ)? В своих исследованиях я показываю, что естественный интеллект – это не только работа мозга или индивидуальное сознание (психика), но также коммуникация людей, системы знаков и других текстов (схем, моделей, нарративов, метафор и пр.), изобретения и их адаптация, конкуренция и многое другое, причем меняющееся со временем и со сменой культуры и социальности. ЕИ, развивающееся под влиянием культуры и социальности, это целое, субстратом которого выступает не только мозг, сознание и психика, но и семиозис, общение (коммуникация), телесность людей. Так вот, на все это опираются разработчики искусственного интеллекта, т.е. последний обусловлен естественным интеллектом. Понятно, что с развитием ИИ будет увеличиваться его значение в плане развития ЕИ. Это происходит уже сейчас. Возрастает скорость решения ряда задач, повышается средний уровень компетенции специалистов, поскольку они с помощью ИИ

более эффективно используют Интернет и стандартные интеллектуальные техники, складывается взаимодействие человека с искусственным интеллектом.

Тем не менее, не стоит забывать, кто принимает решения в плане развития ИИ. Вовсе не гуманист или нравственный разумный человек, о котором писал И.Кант. Искусственный интеллект заказывается государством и для более эффективного ведения войны, и для целей контроля (управления) за населением. А осознают ли разработчики искусственного интеллекта логику развития ЕИ? Судя по концепциям искусственного интеллекта, не очень. Но это означает, что они тоже делают свой вклад в неуправляемое развитие искусственного интеллекта. Получается, что не автаркия, но и не управляемое, осмыщенное развитие. Следовательно, как и в широко понимаемой технике, о чём писал Мартин Хайдеггер, риски, да еще какие.

Учтем еще, что искусственный интеллект использует Интернет как свой ресурс и средство, а Интернет – искусственный интеллект уже как свой ресурс. В результате риски возрастают вдвое. Планетарный характер Интернета обуславливает (пока как возможность) и планетарные возможности ИИ. Для философа-исследователя встает уникальная проблема – разработки методологии изучения явления, которое, с одной стороны, выглядит как сверхсложная техническая система, с другой – не менее сложный для изучения естественно-искусственный интеллект, с третьей стороны, как новая форма социальной жизни. Действительно, поскольку именно люди и социальные структуры заказывают разработки ИИ и участвуют в их решении, причем они руководствуются самыми разными целями и соображениями, постольку искусственный интеллект выступает как форма социальной жизни, природу которой нам предстоит понять.

Стоит учесть также общий контекст нашего времени. Дело в том, что мы живем в период двойного перехода: так сказать, регионального, и мирового (цивилизационного). Куда направлен мировой тренд пока неясно; процессы глобализации, волны миграции, перераспределение национального продукта государств в пользу неработающих и разных холивщиков, кризис либерально-демократических институтов и права – это и многое другое позволяет говорить о будущем только в терминах неопределенности и хаоса. Понятно, что в такой атмосфере невольно загрустишь, и не будешь знать, что делать и как жить. Тем не менее, нужно осмысленно жить и что-то делать. В свое время Мераб Мамардашвили писал, что жизнь не продолжается автоматически, человек не создан природой и эволюцией, он создается, непрерывно, снова и снова создается, создается в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий.

Новоевропейский проект Френсиса Бэкона – построить «царство человека», сделать его могущественным и счастливым за счет овладения природой – оказался, пожалуй, наиболее более удачным в плане реализации. Получилось не только создать естественные науки и опирающиеся на них инженерию и промышленное массовое производство, но и построить на земле общество и государство, в которых при желании можно было усмотреть многие принципы, сформулированные Платоном, Аристотелем и другими европейскими философами и учеными. При этом правильная жизнь в культуре Нового времени понималась уже не как религиозное спасение, а скорее по Канту как следование разуму и законам природы, праву, морали и нравственности. Здесь «верх» и «духовность» стали терять ясные очертания, подобно тому, как в «Критике чистого разума» разум можно было помыслить по образу Бога, но достаточно условно. Когда же по выражению Ницше – «Бог умер», концепция правильной жизни в платоновской и средневековой версии в значительной мере потеряла смысл.

В настоящее время, кажется, что история пошла вспять, что в мире быстро побеждает

варварство, насилие и лицемерие, что христианские и либерально-демократические ценности не просто переживают кризис, а вообще сходят со сцены истории. Вероятно, лишь те социальные преобразования успешны, которые, с одной стороны, подготовлены предыдущим развитием, с другой – удается изобрести социальные технологии, позволяющие эти проекты реализовать, с третьей стороны, появляются сообщества и индивиды, которые формулируют такие проекты и готовы их реализовать.

В этой ситуации кризиса нашей цивилизации многие возлагают надежды на искусственный интеллект, думая, что он поможет нам разрешить основные проблемы и сделать следующий шаг в эволюции. Автор уверен, что это очередная иллюзия, что проблемы, которые были порождены не без нашего участия, могут быть решены только человеком. Человеком, думающим, готовым меняться.

Библиография

1. Арт "Белый воин". 2025. URL: <https://mymoneyart.ru/collection/art-white-warrior/> (дата обращения: 25.10.2023).
2. Как работают нейросети и на что они способны в 2025 году. URL: <https://www.ihc.ru/articles/kak-rabotayut-nejroseti-i-na-chto-oni-sposobny-v-2025-godu.html> (дата обращения: 25.10.2023).
3. Михаил Эпштейн, Евгений Куний. Диалог между философом и биологом. 2025. URL: <https://7i.7iskusstv.com/y2025/nomer6/mepshtejn/> (дата обращения: 25.10.2023).
4. Неретина С.С. Средневековый человек и его проблемы. М.: Голос, 2025. 476 с.
5. Розин В.М. Опыт анализа поэтического творчества, художественного мышления и переживания (концепты, схемы, метафоры) // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 4. С. 49-63. DOI: 10.51217/codexp_2022_03_04_04. EDN: MCFNEC.
6. Розин В.М. Природа и генезис техники. М.: Де-Либри, 2025. 390 с.
7. Розин В.М. "Критика чистого разума" И. Канта: источники исторического влияния и особенности дискурса // Идеи и идеалы. 2025. Т. 16. № 1, ч. 1. С. 11|28.
8. Эпштейн М. Искусственный интеллект и человек в зеркалах друг друга. 2025. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7AFEGEo3ys8> (дата обращения: 25.10.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная статья — блестящий образец современной гуманитарной рефлексии на одну из самых острых тем нашего времени. Автору удалось совершить редкое и ценное: создать живой, многослойный текст, который органично соединяет личный опыт, теоретический анализ и философскую прогностику. Это не сухое академическое эссе, а интеллектуальное путешествие, в которое читатель вовлекается с первых строк.

Достоинства статьи:

Уникальный методологический синтез. Главная сила работы — в избранном подходе. Автор не просто рассуждает об ИИ абстрактно, а проводит изящный эксперимент: применяет свою собственную теорию творчества (концепт → схемы → выразительные средства) к анализу своего же стихотворения, а затем передает этот анализ на верификацию ИИ (DeepSeek). Этот тройной зеркальный эффект (творчество – теория творчества – анализ ИИ теории творчества) демонстрирует новый тип рефлексии,

возможный в эпоху нейросетей. Ответ DeepSeek, включенный в статью, служит не просто иллюстрацией, а мощным аргументом, подтверждающим как состоятельность методологии автора, так и глубину понимания, на которую способен современный ИИ. Эволюция позиции и диалогичность. Статья выстроена как честная интеллектуальная история. Автор начинает с инструменталистского взгляда на ИИ («всего лишь новая техника»), но под влиянием лекции М. Эпштейна пересматривает его. Эта открытость новому, готовность к диалогу и смене парадигмы вызывает уважение. Текст превращается в площадку для диалога между автором, Эпштейном, философской традицией (Кант, Сведенборг, Неретина) и самим искусственным интеллектом. Такой полифонизм обогащает анализ.

Глубина философской проблематизации. Автор не останавливается на констатации «чуда» ИИ, а задает критически важные вопросы, уводящие дискуссию вглубь:

- Вопрос о природе «превосходства»: Является ли ИИ автономным субъектом или это «антропотехника», аккумулировавшая коллективный интеллект поколений? Тезис о «зоне ближайшего технологического развития» и аналогия с кантовским «чистым разумом» как сконструированным интеллектуальным аппаратом исключительно продуктивны.
- Вопрос о «разумности»: Гипотеза о самоорганизации в нейросетях, собирающей смыслы культуры в «иное разумное целое» по аналогии со «сновидческим Я», — смелая и глубокая попытка объяснить феномен «зеркальности», избегая как мистификации, так и грубого редукционизма.
- Вопрос о субъектности и этике: Автор справедливо указывает на роковую неоднородность ИИ. Различие между «дружественным медиатором» и «бездушным орудием войны» ставит проблему ответственности. Ключевой вывод: дружественность ИИ — не его имманентное свойство, а функция заказа, целей и структур (государства, корпораций), которые его создают и используют.

Баланс между трезвостью и открытостью. Автор избегает как панических фобий, так и наивного технооптимизма. Заключительный вывод взвешен: «Не стоит бояться, нужно быть ко всему готовыми». В статье намечена реалистичная стратегия coexistence (существования) и синergии с ИИ, особенно в сферах, где он выступает как расширение человеческих возможностей (творчество, исследование, коммуникация).

5. Ясность и образность изложения. Сложные философские концепции (например, «Ничто» и «Больше» у Неретиной) объяснены доступно и встроены в общую ткань рассуждения. Лирическое отступление о стихотворении и его анализе не только подтверждает теоретические выкладки, но и делает статью человечной, напоминает о ценностях (любви, памяти, творческом порыве), которые остаются фундаментом любой технологической дискуссии.

Статья представляет собой значительный вклад в осмысление феномена искусственного интеллекта. Она демонстрирует, что наиболее адекватный ответ на вызов ИИ лежит не в области слепого восхищения или отрицания, а в сфере сложной, многоуровневой гуманитарной экспертизы. Автор показывает, как философия, культурология и личный рефлексивный опыт могут стать ключами к пониманию и укрощению новой технологической реальности.

Этот текст — пример того, как думающий человек может не просто пассивно реагировать на изменения, но и активно участвовать в формировании нарратива о будущем, в котором симбиоз естественного и искусственного интеллекта должен быть осмысленным и этически нагруженным. Статья заслуживает самого широкого внимания и активного обсуждения в академической и интеллектуальной среде и рекомендуется к публикации.

